

Научная статья
УДК 316.776.33
<https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.1>

Трансформация ценностной системы современного текста

Эка Демуриевна Коркия¹, Агамали Куламович Мамедов²

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ekakorkiya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3136-8433>

²akmnauka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2607-7546>

Аннотация. Актуальность статьи определяется трансформациями, происходящими в социальной реальности и отражающимися в языке в целом и в производстве текстов в частности. Авторы статьи, употребив метафору «смерть текста», рассматривают преобразование и развитие той самой общей концепции (обозначенной термином «коммуникативное намерение»), которая определяет способность к функционированию текстовой деятельности в современных реалиях. В статье ставится задача обосновать, что основными характеристиками актуальной информации, понимаемой в качестве единицы коммуникации, оказываются ее триггерный (побуждающий) потенциал и умение выполнять роль сетевого контента (ликвидность). В статье рассмотрены различные точки зрения на исследуемое явление и сделаны обоснованные выводы. Авторами на базе серьезного социологического дискурса подчеркивается, что признаки, характерные для текста в его традиционной интерпретации, а именно связность и целостность, т. е. способность демонстрировать качества «системы», постепенно теряют значение в социальных практиках. В результате анализа делается вывод о «конце» привычной для прежней науки трактовки современного текста и текстовой деятельности.

Ключевые слова: социальные практики, текстовая деятельность, сетевые коммуникации, интертекстуальность, современный текст, сообщение, гипертекст, информация, прагматика, деконструкция, сетевой текст

Для цитирования: Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Трансформация ценностной системы современного текста // Теория и практика общественного развития. 2022. № 2. С. 14–21. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.1>.

Original article

Transformation of the value system of the modern text

Eka D. Korkiya¹, Agamali K. Mamedov²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ekakorkiya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3136-8433>

²akmnauka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2607-7546>

Abstract. The relevance of the article is determined by the transformations taking place in social reality and reflected in the language in general and in the production of texts in particular. By using the metaphor of the “text death”, the authors of this article consider the transformation and development of the very common concept (designated by the term “communicative intention”) that determines the capacity for textual activity to function in modern realities. The aim of the article is to argue that the main characteristics of topical information, understood as a unit of communication, are its triggering potential and its ability to act as online content (liquidity). The article examines different perspectives on the phenomenon in question and draws well-reasoned conclusions. Based on serious sociological discourse, the authors emphasize that the attributes characteristic of the text in its traditional interpretation, namely coherence and integrity, i.e. the ability to demonstrate qualities of a “system”, are gradually losing importance in social practices. As a result of the analysis, a conclusion is made about the “end” of the interpretation of the modern text and textual activity familiar to the former science.

Keywords: social practices, textual activities, network communications, intertextuality, modern text, message, hypertext, information, pragmatics, deconstruction, network text

For citation: Korkiya, E.D. & Mamedov, A.K. (2022) Transformation of the value system of the modern text. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. (1), 14–21. Available from: [doi:10.24158/tipor.2022.2.1](https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.1) (In Russian).

Актуальным является обращение социологов к новому пониманию текстовой деятельности в связи с теми социальными реалиями, которые, трансформируясь, получают своеобразное преломление/отражение в языке, а именно в таком аспекте, как производство текстов. Новая, еще «непрочитанная», эра «информационного общества» бросила вызов такому культурному наследию цивилизации, как практики взаимодействия с окружающим миром, личная идентичность, культурное наследие, коды ее освоения. «Шок будущего» не только наступил, но и отчасти был

пережит, оставив одной из своих проблем «смерть текста» (Мамедов, 2021: 152), символически обозначенного краха способа передачи опыта в культурной и социальной традиции. Межпоколенческий социальный разрыв стал триггером для иного социокультурного прочтения. Констатация положения, что человек сам в своем слове конструирует свой социальный мир и себя с необходимостью подводит нас к вопросу о правилах и границах новых социальных конструктов. В новой коммуникативной креации реальность претерпевает различные метаморфозы, она многослойна и дискретна, прошлое и будущее наслаиваются друг на друга, создавая причудливые и метафоричные формы.

Текст как скрипач Шагала предлагает совершить путешествие в полифоничные виртуальные миры, где предлагаются не история как устоявшаяся данность, а фантазийные истории, какими они видятся нарратору. Таким образом, единого текста, как в средневековом дискурсе, больше нет. Возникают иные социальные поля самоконструкции и множественности вариантов идентичности. «Быстрая» история актуализирует многослойность текста, «живущего» в своей совершенно иной системе координат. Порождается множественность истин, текст отходит от реальности, но одновременно текст и его фантазии тоже порождают социальной действительностью, а значит, являются истинными. Остаются слова, образ, коррелят, ибо текст высказан, опубликован, а реальность есть миг бытия, она мимикрирует. Поэтому вопросы феноменологии текста и ее тренды крайне актуальны, ибо речь идет о кодах культуры и новых поисках смысла.

Сразу отметим, что это не проблема только лишь лингвистики или коммуникации. Она носит общенаучный характер, поскольку затрагивает сферу накопления и передачи знаний в масштабах всего общества – тех специфических навыков, благодаря которым человек принципиально выделился из биологической среды как существо, способное к построению изменчивых и совершенствующихся социальных структур. По сути, речь идет об отражении социальных практик и адекватности этого процесса. Особенно остро в современной научной парадигме стоит проблема деконструкции текста, так как фреймирование социального поля и детерминантов этого процесса определяет тренды социального развития.

С позиции теории социальной коммуникации деятельность по воспроизводству текстов рассматривается как ключевой социокультурный механизм включения сознания в социальное ориентирование и социальное сотворчество. В рамках социолингвистики текст как единица социокультурной коммуникации представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность. Т.М. Дридзе предлагает следующее определение текста: это «система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением)» (Дридзе, 1980: 49–52). Так, исследователем обоснована приоритетность именно социологического дискурса в анализе трендов и метаморфоз текста.

Если рассматривать такой феномен современных реалий, как «смерть текста», в его традиционной интерпретации, то нужно под этой метафорой понимать трансформацию самой общей концепции, которая связывала понятие текста с термином «коммуникативное намерение». Это понятие определяло в первую очередь социальную функциональность текстовой деятельности. В современном же социальном пространстве главенствующими характеристиками информации, выступающей как единица коммуникации, становятся триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). В связи с этим те признаки, которые были присущи тексту в традиционной интерпретации, а именно связность и целостность (способность демонстрировать качества «системы»), с течением времени утрачивают былое значение в социокультурной традиции.

В общетеоретическом аспекте проблематика трансформации метода развития и сохранения знания была обозначена через проблему научно-методологической мысли в XXI в. Если даже для мыслителей-постмодернистов суть деятельности заключалась в сотворении новых концептов и производстве текстов, то в настоящее время «изрекать истину не обязательно; играть в нее на публике – вот цель мыслителя. Современная мысль не просвещает, а эпатирует. Игра ума, деконструкция сложившихся представлений дает автору символический капитал – известность. Последняя чаще достигается профессиональным артистизмом, основанным на навыке интертекстуальности (важнейший козырь постмодернизма). Интертекстуальность и означает виртуозную демонстрацию собственной игры, в которой можно обойтись без настоящего, его заменяет доведенная до совершенства техника комментирования» (Семенов, Исаков, 2004: 50).

К характеристикам современной текстовой деятельности можно отнести: стремление (даже среди добросовестных ученых) к эпатажу ради достижения известности; стремление к интертекстуальности ради повышения персонального статуса; стремление к комментированию вместо создания собственного оригинального текста.

1. *Эпатаж*. Признаки: намерение противопоставить себя общественным нормам (оппозиция без программы), манифестация себя, громкие заявления, демонстративный образ.

2. *Гипертекст* понимается как утрата текста в смысле, текст больше не достаточен для коммуникативного повода. Это свидетельствует о вырождении внутреннего содержания, субстантивного компонента, значимости для адресата. Интертекстуальность как процесс коллективной текстовой деятельности в редчайших случаях имеет возможность представить конечный продукт в виде текста, и само определение этого понятия указывает лишь на процесс принципиальной незавершенности порождаемого текста и бесконечной его реатрибуции.

3. *Комментарии* выступают в качестве оценки и интерпретации информационного повода. Это как бы признание того, что у комментатора нет и не будет авторского текста. Это можно представить как символическое убийство в себе автора, как принятие на себя вспомогательной роли в конструировании цепочки инфообмена, т. е. уход от результата ради самого процесса порождения нарратива.

Указанные характеристики свидетельствуют о трансформации устоявшегося способа социальной ретрансляции широкой публике научного знания – привычного и сложившегося годами способа передачи нейтральных, не окрашенных эмоционально и отчужденных интеллектуально от персонального авторства конгломератов информации – такими характеристиками должны были обладать верифицированные примеры научных текстов.

Надо заметить, что признаки смещения акцентов современной текстовой деятельности в поле прагматической коммуникации, осознанное в научной среде в XX в., появились еще до интернета. То обстоятельство, что современное гуманитарное наукотворчество переходит в поле прагматической коммуникации, где наиболее ценным навыком оказывается способность продемонстрировать личный статус и персональный образовательный уровень в форме ведения «терминологических игр», признается его акторами, что в той или иной мере следует более общей модели современной сетевой коммуникации.

Три очевидные характеристики настоящего бытия текста одновременно являются свидетельствами его «смерти», поскольку уводят от продуктивной текстовой деятельности. Все это предпочтенное наполнение человеческой жизни, свидетельство той самой «лени» ума, которая «двигает» технологический прогресс. Характеристики человека настоящего и, вероятно, ближнего будущего. Этот процесс не внезапен: начался он с модерна, так как классики в силу разных причин не оставили после себя достойных учеников (Коркия, 2021: 14–17).

Следует заметить, что ко времени массового распространения сетевых коммуникаций в социологии уже произошел переход от понимания коммуникативного акта как передачи сигнала к рассмотрению его как взаимодействия коммуникатора и коммуниканта, как к форме построения информационно заданной реальности. Сетевая коммуникация обладает особенностями, из которых самой примечательной можно признать способ ее существования во времени. Единжды возникнув, сетевой контент не исчезнет сам по себе. Затихшая дискуссия может возобновиться с новой силой спустя годы, при этом и старые, и новые топики будут рассматриваться как единое информационное пространство. Эта особенность позволяет определить сетевую коммуникацию как самоподдерживающуюся, единственной преградой для которой может стать лишь цензура – пре- и постмодерация в интересах гипотетического администратора. Указанная особенность сетевой коммуникации становится следствием принципа устройства ее модели: «все (говорят) для всех (которые отвечают)». Особенная связь с текстом данной коммуникационной модели реализуется собственным специфическим образом. Каждый современный «релизер»¹ предлагает текст, который развивается и дополняется посредством в новом поле комментариев, что в значительно большей степени *оценивается* коммуникативным сообществом. Таким образом, сетевая коммуникация как текстовая деятельность направлена не столько на выработку коллективного мнения (на рождение «идеального» текста), сколько на сортировку текстов и их оценку, а также ранжирование их релизеров – построение иерархии новой информационной среды общества. При этом наблюдается снижение требований к уровню текстов при росте уровня конкуренции за внимание сетевых пользователей. Так, междометие, смайл, лайк и прочее считаются приемлемым «текстом» в качестве реакции.

Если традиционно коммуникации были направлены на преодоление информационного дефицита, то теперь они существуют в условиях информационного перепроизводства. Успешность в сетевой коммуникации (выражение мнения, распространение событийной информации и т. п.) обеспечивается соответствием критериям привлекательности для ее присвоения путем коммен-

¹ Релизер [Электронный ресурс] // Психологический словарь : сайт. URL: <https://clck.ru/aq23s> (дата обращения: 14.12.2021).

тария или иного действия (побуждать перейти по ссылке, подписаться на обновления, т. е. добавить информацию в свое медийное пространство). Кроме того, информационный посыл должен обладать качествами триггера немедленной реализации этой причастности (поставить «лайк» или «поделиться», добавиться в друзья, репостить ссылку, например, вставить ее в свой блог или «на стену» в личный аккаунт).

Интересно, как реализуется в этой связи проблема избирательности восприятия. Как отмечается, революция в информационной среде «...привела к появлению беспредметной, знаковой, экранной среды» (Терентьева, 2016: 24). И без того ограниченный своими органами чувств, охватывающими лишь фрагменты реальности, человек в своей производственной, художественной, досуговой деятельности все больше привязывается к ограничению техническими устройствами, «очерчивающими» объект восприятия, создавая при этом иллюзию полноты и объективности репрезентации. И социальная, и культурная депривация не только и не столько преодолеваются, сколько воспроизводятся в новой технологической среде, а избирательность интереса становится предметом коммерческого использования (Терентьева, 2016: 25).

Что же касается описаний современности как среды трансформации атрибуции текста, то в этом вопросе значительно продвинулась политическая коммуникация (Голикова, 2019). Впрочем, нас будет интересовать не столько бытие самого текста (поскольку здесь невозможно отрешиться от анализа как конкретного текста, акторов коммуникации, так и политической реальности), сколько дискурсы как среды, его содержащие. Так, авторитарный дискурс (например, империя) фокусирует минимальный объем источника дискурса и имеет максимальную общественную значимость. Современный же сетевой дискурс показывает, что лишь при росте объема вовлеченных участников связано растет его значимость. А поскольку каждым событием вовлечения участника является реализация его личной причастности, присвоения права на интерпретацию текста, возникает естественная полигональность как кризис атрибуции. И этот кризис тем сильнее, чем более значимым является тема.

Вопрос атрибуции текста неизбежно должен включать и проблему плагиата. Однако полноценное рассмотрение этого вопроса может служить интеллектуальным поводом не одной монографии. Из парадоксальных переосмыслений значимости атрибуции текста в контексте проблемы плагиата рассмотрим только одну, наиболее яркую, работу творческого коллектива *Critical Art Ensemble*¹. Авторы провели историческое исследование роли игнорирования авторского права на культурное и эстетическое преобразование общества. Концепция инверсии «мифа плагиата» в настоящем, спустя пятнадцать лет после выхода этой работы, свидетельствует о существовании в информационном пространстве вектора отказа от прагматической монетизации ради системного развития общества. По мнению авторов, плагиат способствует уравниванию культурного, эстетического и интеллектуального потенциалов общества. Обозначенные тенденции не наблюдаются в современном сетевом пространстве посредством роста конкуренции, отказа от формальных признаков атрибуции и переоценки оснований статусов коммуникантов. При всей своей почти социалистической прогрессивности эта концепция также указывает на «смерть» формальной роли текста как авторского продукта.

Обсуждение текста все чаще уступает место обсуждению комментариев и интерпретациям в сетях, в то время как иерархия этих интерпретаций обеспечивается сетевым статусом актора, но не авторством текста или квалификацией эксперта. Следовательно, резонанс текста все менее обеспечен содержанием, а все более тем, кем и в каком направлении развивается дискуссия по его поводу.

Такая полигональность картины дискурса в сетевых условиях характеризуется разнонаправленностью и сочетаемостью мнений, образующих единое «поле смысла». Аналитический подход к изучению формы дискурса характеризуется следующими принципами: дефрагментацией элементарных характеристик, ростом категориальной квантификации, обобщением разнородных явлений. Снижение неопределенности эффектов сетевых коммуникаций политическая лингвистика видит в когнитивной теории: «Одной из наиболее плодотворных и относительно новых исследовательских парадигм в политической лингвистике является когнитивный подход, позволяющий от описания единиц и структур дискурса перейти к моделированию структур сознания участников политической коммуникации. Моделирование когнитивной базы политического дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений» (Шейгал, 2004: 31).

Существующие классификации текстовых функций сходятся в том, что текст должен запустить некую реакцию у реципиента. Эта функция получала именование «апеллятивной» еще у

¹ Critical Art Ensemble [Электронный ресурс]. URL: <http://www.critical-art.net/books/ted/> (дата обращения: 14.12.2021).

К. Бюлера (Бюлер, 1993: 58–60). Впрочем, в своих исследованиях он доходит лишь до опытного постижения субъектом манипулятивной и речевой деятельности (он полагал, что ребенок начинает пользоваться словом бездумно, как обезьяна палкой), что в свое время вызвало критику Л.С. Выготского. Последний справедливо указывал, что существуют биологические и социальные детерминанты развития. В своей работе он не только указал на сущность природы влияния навыков на окружающий мир, но и привел принцип, заставляющий задействовать интеллект в поисках «обходного пути» (Выготский, Лурия, 1993: 46–49) ради достижения цели. В остальных случаях поведение выстраивается в соответствии с усвоенными прежде нормами, опытом и биологическими пресуппозициями. Единственное, чего не мог предположить Выготский, это того, что социум, прежде служивший основной причиной организации среды человека и выводящий его за пределы биологической природы, может под влиянием экономического детерминизма вследствие ограниченности ресурсов и эффективного господства политической воли обратить свои пресуппозиции вспять. Теперь «обходной путь», т. е. развитие интеллектуального, креативного подхода в решении повседневных задач, остается уделом немногих, а массовая тенденция заключается в консолидации мнений.

Массовые коммуникации, которые реализуются в настоящем сетевым образом, имеют целью не допускать поисков обходного пути. Это легко понять и вполне можно оправдать тем, что коммуникативное пространство пресыщено акторами, а значит, чрезмерно конкурентно. Данная характеристика не имеет прямого отношения к перенаселенности нашей планеты или конгломерации в областях с повышенным качеством сетевого доступа (что лишь отчасти, но также затрагивает и проблему цифрового неравенства). Данное явление еще не получило убедительной характеристики в научном дискурсе. Оно отражает массовидное сетевое явление роста конкуренции и числа источников сообщений (самого присутствия акторов) в секторах наиболее активного роста локализации зон раппорта. Этими зонами стали интернет-площадки, набирающие наибольшее число фолловеров контент-лидеров. Всем известны теги их хостингов, но мало кто задумывается, что они, по сути, являются зонами некритичного формирования мнений.

В этой связи тексту будущего отведена роль стимула-триггера, т. е. побуждения сложно организованной информации – вернуться к роли сигнала, как это рассматривалось на заре теории коммуникаций. «Смерть» как трансформация роли понимается как то, что текст постепенно утрачивает важнейшую, но уже архаичную – репрезентативную – функцию представления реальности. Репрезентативная функция прежде реализовывалась в «апелляционной» через реакцию на то, о чем сообщал текст. Теперь же каждый ищет в тексте свой личностный смысл как стимул, благодаря которому формирует свои собственные дискурсы, а также тематические и семантические направления комментирования. Эти изменения в функциональной структуре текста не позволяют говорить лишь об «апелляционной» или «побуждающей» функции. Поскольку функция побуждения реципиента генерализована в современном коммуникативном пространстве и определяет само право сообщения на существование, а не просто «апеллирует» к адресату, мы предлагаем рассматривать ее как «триггерную».

Если раньше через имманентную функцию текста мы могли вступать в резонанс (другого выбора, казалось, нет, «чужая душа – потемки»), то сейчас ввиду информационной искушенности современного индивида (как побочного эффекта информационно-коммуникационного взрыва), каждый естественно порождает свой внутренний текст. Полярные же проявления современной сетевой коммуникации характеризуют два типа реакции:

1) по принципу раппорта (однозначное принятие текста как «своего», что уничтожает атрибуцию текста через институт авторства). Происходит замещение исходного оригинального текста пересказом, интерпретацией. Наиболее популярные тексты закрепляются как «мемы» – лишённые авторства эмоциональные стимулы, «отточенные» множественным употреблением;

2) по принципу эпатажа – оттянуть на себя внимание аудитории релизера и поднять свой статус (количество комментариев, лайков и пр.). Эпатажность в этом ключе выступает как показатель степени свободы от заданной реальности и присвоение следствий, которые текст способен задавать.

Количественный рост и усиливающее значение паралингвистических способов коммуникации, креолизованность современного текста требуют существенного переосмысления его лингвистической функции. В информационную эпоху тотальной медиатизации и цифровизации попытки создать из реальности текст обернулись обратной стороной: текст начал создавать свою реальность.

Таким образом, оценка трансформации текста, организующей и определяющей новую коммуникационную среду, становится продолжением философского осмысления онтологии и метафизики бытия социума как элемента развивающегося цифрового пространства (Мамедов, Писарева, 2020: 4–10).

Исследования Дж. Буше (Boucher, 2009: 99) показывают, что дискурс, возникающий в результате отражения естественной социальной практики, представляет «синхроническую» структуру, т. е. является подлинным отображением ее состояния в коммуникативной сфере. Дискурс же, рождающийся в результате действия «социальных агентов», т. е. неких лидеров мнений, определенных «политическим стечением обстоятельств», является результатом «непоследовательной практики» и «успешной артикуляции». Этот дискурс автор называет «диахроническим», т. е. историческим, – тем, который имеет временную протяженность, поскольку не отражает существующую социальную реальность, а активно воздействует на нее с непредсказуемыми из настоящего последствиями. Кроме синхронической и диахронической структур, автор, ссылаясь на работы Э. Гидденса и К. Леледакиса, предлагает учесть концепцию «изменной структуры», указывающей на отсутствие эквивалентности происходящих структурных перемен в идеологически мотивированных дискурсах. Таким образом, следует признать первичность текстовой деятельности в построении образа реальности по сравнению с ее непосредственным естественным отражением в сознании, в особенности в обстоятельствах, когда этот образ рассматривается как обусловленный временной протяженностью.

Отказ от традиционной текстовой деятельности связан с каждой из выделяемых функциональных характеристик текста, а именно:

1) с недостаточностью текста как средства репрезентации реальности. Отсюда направление развития в сторону гипертекста, позволяющего связывать между собой тексты независимо от их филогенетической основы. Отсюда феномен популярности Big Data как стремление работать с информационными базами, обладающими повышенной репрезентативностью по сравнению почти с любым текстом;

2) с уходом в прагматичность. Собственно, столетняя история этого ухода, вероятно, и привела к возникновению сетевой коммуникации. Как П. Вацлавик выявляет природу инаковости шизофреника в качестве стремления не общаться (Вацлавик, Бивин, Джексон, 2000: 301), так и стремление общаться, которое отражает нормативное поведение, видимо, может быть удовлетворено в полном объеме только сетевыми коммуникациями. Вдохновлявший его Л. Витгенштейн говорит: «Я знаю, что слово означает в определенных контекстах» (Витгенштейн, 2005: 351). Но что за контексты определяют восприятие в сетевых коммуникациях? Собственно, прагматические и/или аффективные. По этим направлениям и следует развитие и интерпретация современного текста;

3) С импликацией функций. Глагольность как противопоставление предметности, поточность и нарративность коммуникационной среды, обусловившей «лингвистический поворот» (связанный с повышенным вниманием к семантике единицы языка). «Итогом этой тенденции стало, однако, то, что была пересмотрена одна из ключевых идей, лежащих в основе лингвистического поворота, именно, что главным объектом лингвистического анализа является предложение. ...Язык как главный объект анализа уступил место риторике с ее тропами и формами убеждения»¹. Здесь кроется еще одна характеристика, отражающая причину «смерти текста», – «необходимо и достаточно». Импликация свидетельствует о снижении лингвистической избыточности, что также ведет к «смерти текста».

В начале разъяснения того, как сегодня меняется возможность существования текста в зависимости от его способности являться контентом в сетевых коммуникациях, приведем философское размышление Г. Джемалья о контенте как сознании общества: «Все Общество в совокупности есть сознание, данное в своей неподлинности. Мы имеем в виду, что сознание, “материализованное” в виде Общества, не свидетельствует ничего, не подразумевает ничего, но является просто самодостаточным контентом, оттиском живой духовной реальности, которая на уровне Общества непосредственно не проявляется» (Джемаль, 2010: 112).

Уже из приведенной цитаты становится ясно, что известный и широко употребляемый термин «контент» имеет коннотации, отличающие его от безликого и рафинированного понятия «субстанция». Во-первых, контент – это проекция общественного или индивидуального сознания; во-вторых, кроме темы, объема и качества, которые, пожалуй, являются его основными атрибутами, существует характеристика, отражающая его модус. Модус контента – это отражение состояния того самого сознания, которое он представляет (или в лучших традициях постмодерна: «качество отражения качества состояния»). В настоящее время сетевое общество оперирует «прагматическим» контентом, который стал результатом того самого лингвистического поворота, о котором было сказано выше. Превращение атрибута в модус и есть генерализация какой-либо характеристики. Способность выступать в роли сетевого контента – основная витальная, а потому генерализованная характеристика текста (в самом широком его понимании) и главная причина смерти текста в классическом понимании как информационной системы.

¹ Грицкевич Н.Н. Понятие «нарратив» в современной лингвистике. Нарратив как особая разновидность текста [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564 (дата обращения: 14.12.2021).

Причину такого положения вещей в данном случае определить однозначно невозможно. Однако можно заметить, что информация, объединенная в систему, обладает внутренней непротиворечивостью и может быть подвергнута оценке как истинная или ложная. К сетевой информации такие характеристики применимы лишь с оговорками. Возможно, именно поэтому ей удается роль триггера – некритично воспринимаемых сообщений, возможно, поэтому борьба с «фейками» так актуальна и так неуспешна.

Современная трансформация роли и качества текста в общественном сетевом дискурсе была подготовлена историческими процессами первых двух десятилетий прошлого века. Перемещение народов, освобождение многих государств от традиционных устоев, научно-технический прогресс. Эти явления запустили процессы интенсификации межкультурных коммуникаций, приведших ко всему спектру глобализационных процессов, в том числе к появлению самой сети Интернет. Новые возможности вызвали к жизни новые правила. Традиционные тексты, особенно в своей способности фиксировать социальный опыт, утратили прежнее значение. Наиболее существенными характеристиками современной социокоммуникативной среды, ставшими «могильщиками» текста, стали полигональность, триггерность, контентность. Наблюдаемые трансформации в области текстовой деятельности, помимо очевидных угроз, закладывают фундамент, пожалуй, для качественного преобразования общественного сознания и способов организации мышления в человеческом сообществе.

Список источников:

- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993. 504 с.
Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. М., 2000. 320 с.
Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005. 440 с.
Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993. 224 с.
Голикова Т.А. Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира // Язык и текст. Т. 6, № 3. 2019. С. 43–50. <https://doi.org/10.17759/langt.2019060305>.
Джемаль Г.Д. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М., 2010. 388 с.
Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980. 224 с.
Коркия Э.Д. Феномен одиночества: амбивалентность развития и социальные поля // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10. С. 13–17. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.1>.
Мамедов А.К. Деконструкция культурного пространства: смерть текста // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2021. Т. 27, № 3. С. 152–166. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-152-166>.
Мамедов А.К., Писарева Л.К. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // Социология. 2020. № 3. С. 4–17.
Семенов В., Исаков А. Философское творчество: между Сциллой традиции и Харибдой авангарда // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 47–53.
Терентьева И.Н. Сетевые коммуникации: новая реальность управления // Вестник НГТУ им. П.Е. Алексеева. Сер.: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 4. С. 23–27.
Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
Boucher G. The Charmed Circle of Ideology: A Critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek. Prahan, 2009. 288 p.

References:

- Boucher, G. (2009) *The Charmed Circle of Ideology: A Critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek*. Prahan, Re.Press.
Buhler, K. (1993) *Teorija jazyka. Reprezentativnaja funkcija jazyka* [Language Theory. Representational Function of Language]. Moscow, Progress. (In Russian)
Dridze, T.M. (1980) *Jazyk i social'naja psihologija* [Language and Social Psychology]. Moscow, Vysshaja shkola. (In Russian)
Dzhemal, G.D. (2010) *Daud vs Dzalut (David protiv Goliafa)* [Dawud vs Jalut (David vs Goliath)]. Moscow, Social'nopoliticheskaja mysl'. (In Russian)
Golikova, T.A. (2019) The Main Trends in the Formation of the Modern Russian Political Picture of the World. *Language and Text*. 6 (3), 43-50. DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2019060305> (In Russian)
Korkiya, E.D. (2021) The Phenomenon of Loneliness: Ambivalence of Development and Social Fields. *Society: Philosophy, History, Culture*. (10), 13-17. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.1> (In Russian)
Mamedov, A.K. (2021) Deconstruction of Cultural Space: Death of the Text. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 27 (3), 152-166. DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-152-166> (In Russian)
Mamedov, A.K. & Pisareva, L.K. (2020) Digital Society Metamorphosis: Difficulty of Growth and Risk. *Sociology*. (3), 4-17. (In Russian)
Semenkov, V. & Isakov, A. (2004) Philosophical Creation: Between Tradition and Vanguard. *Voprosy Filosofii* [Philosophical Issues]. (4), 47-53. (In Russian)
Sheigal, E.I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis. (In Russian)
Terentyeva, I.N. (2016) Setevye kommunikacii: novaja real'nost' upravlenija [Network Communications: A New Reality of Management]. *Vestnik NGTU im. P.E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii* [Management in Social Systems. Communication Technologies]. (4), 23-27. (In Russian)
Vatslavik, P., Bivin, D. & Jackson, D. (2000) *Pragmatika chelovecheskih kommunikacij* [Pragmatics of Human Communications]. Moscow, Eksmo-Press. (In Russian)
Vygotsky L.S. & Luriya A.R. (1993) *Jetjudy po istorii povedenija: Obez'jana. Primitiv. Rebenok* [Studies on the History of Behavior: Ape, Primitive, and Child]. Moscow, Pedagogika-Press. (In Russian)
Wittgenstein, L. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Territorija budushhego. (In Russian)

Информация об авторах

Э.Д. Коркия – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=807461.

А.К. Мамедов – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=376690.

Information about the authors

E.D. Korkiya – PhD in Social Sciences, Associate Professor, Sociology of Communication Systems Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=807461.

A.K. Mamedov – D. Phil. in Social Sciences, Professor, Head of the Sociology of Communication Systems Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=376690.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.12.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 01.02.2022.